

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Г.И. Модинай «Ранняя проза Гюстава Флобера: Становление творческой индивидуальности писателя», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература)

Сегодня невозможно говорить о проблемах литературоведения без упоминания Флобера и учета его влияния на литературу последующих времен. Этому довольно распространенному сегодня убеждению возразить невозможно. Ему следует и Г.И. Модина в диссертации, посвященной раннему творчеству писателя. Временные вехи исследования – от первых опытов до появления таких знаковых произведений Флобера, как философская драма «Искушение святого Антония» (первая версия), которая непосредственно приближает писателя к созданию его главного шедевра – романа «Мадам Бовари». При этом акцент ставится на прозе, в которой уже ощутимы поиски молодым Флобером своей повествовательной техники, композиции, стиля и других важных аспектов творчества.

После того, как только в 2001 году во Франции началась публикация первого полного собрания сочинения Флобера, как никто другой рано начавшего писать, изучение его ранней прозы приобрело особую актуальность. Диссертант ставит амбициозную цель дать полную картину раннего творчества Флобера в контексте его представлений о человеческой истории, мироздании и законах микрокосма, а также проследить становление самосознания автора через переосмысление им предшествующих литературных традиций

К числу главных достоинств работы относится, прежде всего, то, что, вопреки традиционным представлениям о литературном дебюте Флобера как о юношеских незрелых опытах, диссертант предлагает развернутую аргументацию, раскрывающую глубокий смысл интенсивных поисков молодым автором своего индивидуального авторского почерка и поэтики разных литературных жанров; Г.И. Модина стремится выйти из колеи стереотипных представлений о подражании Флобера романтизму и доказывает тезис о самостоятельной художественной ценности ранней прозы Флобера. Как достоинство работы следует отметить авторскую концепцию единства художественного мира ранней прозы Флобера. Из положений, выносимых на защиту, особенно важным представляется тезис о том, что в основе единства изучаемых произведений лежит внутренний опыт писателя, сделавшего письмо инструментом познания мира и самопознания, а также пережитый им в конце 1830-х гг. духовный кризис, рассматриваемый в широком историко-литературном, культурном и философском контексте.

Необходимо отметить присущую автору работы тщательность, которая с самого начала проявляется в уточнении понятия «творческая индивидуальность», пока еще не получившего окончательной дефиниции. Автор конкретизирует, что в своем понимании этой категории она опирается на идеи М.М.Бахтина и И.И.Резвицкого (в его книге «Философские основы теории индивидуальности», 1973). Обозревая в аспекте творческой индивидуальности русскую традицию от формалистов 1920-х гг., в советском литературоведении и далее в постперестроечное время, Г.И.Модина уделяет этому материалу 45 страниц во введении, общий объем которого 64 страницы, что выглядит явной диспропорцией, так как, переключаясь на важную философско-эстетическую проблему и стремясь дать исчерпывающую картину вопроса, диссертант слишком удаляется от главной темы работы. Целесообразнее было бы придерживаться более строгой избирательности. Проблема творческой индивидуальности – это предмет отдельного междисциплинарного исследования, а собранный Г.И. Модиной материал по этой теме, еще раз подтверждающий тщательность автора диссертации, все же предпочтительнее было бы вынести в приложение. Вместе с тем, ее выводы о творческой индивидуальности, которые складывают на основании этого материала, не вызывают сомнений.

В первой главе «Иерархия универсума в ранней прозе Флобера» диссертант оказывается перед сложной задачей: избежать завышения того интеллектуального и творческого уровня, который был характерен для необычно молодого дебютанта (Флоберу тогда было 13-14 лет). Галине Ивановне это удастся потому, что ею используются не только художественные тексты, но и дневники и письма Флобера тех же 1830-40-х гг., в которых высказываются мысли и идеи, воплотившиеся в его произведениях. При скрупулезном анализе текстов Флобера учитываются и наблюдения других интерпретаторов, в частности, Жана Поля Сартра в книге «Идиот в семье». В результате становится очевидным феноменально раннее становление Флобера как писателя.

В числе наиболее интересных моментов в этой главе можно отметить, например, наблюдения о метафорике полета в «Путешествии в ад», или о некоторых созвучиях идей у Флобера и Ницше с опорой на новейшие современные работы. Стремление связать некоторые мысли персонажей Флобера с теми или иными явлениями литературы XX в. проявляется и в других случаях, например, элементы гротеска в мистерии «Смар» ассоциируются с модернизмом (с. 234). Такого рода параллели требуют большой деликатности, детализации и дополнительных аргументов, и каждая из них могла бы стать темой отдельного исследования. В то же время иногда возникает и сомнение, особенно если они высказываются бегло. Так, едва ли можно принять категоричность, с которой диссертант противопоставляет и Флобера, и Ницше – романтизму. Тезис об «абсолютизации духа» как алогичного начала, якобы присущего

романтикам, – это устаревший штамп. К тому же, дихотомия дионисийского и аполлонического у Ницше не исчерпывается альтернативой разума и духа. Концепция Ницше не столь одномерна и предполагает сложную коллизию стихийного, хаотичного, чувственного, первобытного с одной стороны, а с другой – эстетически упорядоченного. Впрочем, это частное замечание не касается общей концепции работы.

Вторая глава, посвященная автобиографическим произведениям Флобера, начиная с самого первого, «Агонии» (1838), привлекает, прежде всего, постановкой проблемы биографического жанра в XIX в. и его специфики у Флобера. Проблема автобиографизма здесь рассматривается в контексте современных исследований, преимущественно в общетеоретическом аспекте (как, например, у Ф. Лежена в его соч. «Об автобиографии и жанрах, смежных с ней»). Работы, на которые Галина Ивановна ссылается, написаны на материале русской прозы (А.Большев, М.Медалич), а также произведений самого Флобера (И.Леклерк, Ж.Бен, Ж.Брюно). Однако приходится сожалеть, что непосредственному литературному контексту, в котором создавалась ранняя проза Флобера, в этом случае уделено незначительное внимание. Продолжая изучение автобиографической прозы Флобера в третьей главе, Галина Ивановна задерживает внимание на литературных реминисценциях в повести «Ноябрь», подразумевая романтическую традицию вообще, без указания на конкретную линию влияния. Именно в этой повести диссертантом обнаружены первые попытки «объективного письма» Флобера, однако в объяснении этого очень важного факта диссертант опирается не на историко-литературные реалии XIX века, а на Р. Барта, цитируя его суждение (в «Нулевой степени письма») о местоимении «он»: «У многих современных писателей развитие истории индивида как бы совпадает с последовательной сменой спрягаемых форм глагола». В эссе Барта много внимания уделено Флоберу, начиная с которого важнейшим актом для писателя стал выбор формы, «и вся литература – от Флобера до наших дней – превратилась в сплошную проблематику формы». Но Барт не задерживает внимания на «объективном стиле». Поэтому больше смысла, чем в цитировании Барта, содержится в собственной логике диссертанта, ведущей к выводу о том, что особенности автобиографизма у Флобера – это и «знак нового этапа в становлении авторской индивидуальности», и свидетельство приобщения писателя-дебютанта к общей тенденции в литературе. Этот тезис звучал бы более весомо, если бы он был аргументирован необходимым историко-литературным материалом. Однако в этом отношении раздел «Ноябрь» в контексте романтической литературы» (с.280-282) несколько разочаровывает. Указанной проблеме здесь уделено полторы страницы, на которых бегло перечислены имена и мнения старших современников Флобера (Нодье, Мюссе, Сент-Бев, Сенанкур, Гюго, Шатобриан, Гете).

Недостаток историко-литературной аргументации в данном случае – досадная лакуна, и она могла бы быть восполнена, если бы диссертант обратился к такому феномену романтического психологизма, как «личный роман», который именно в момент литературного дебюта Флобера явно привлекает внимание во Франции. Именно тогда критикой вводятся понятия «личный роман» («roman personnel») и «аналитический» («roman d'analyse»), а журнал «Revue des deux mondes» публикует статью Жорж Санд о романе Э.П. де Сенанкура «Оберман» как о произведении «идеальной» литературы, или «литературы идей» – в противоположность бытописанию и внешним приключениям. В повести «Ноябрь» обнаруживается немало общего с романом Сенанкура, прежде всего, то, что протагонист в обоих произведениях – личность, через которую реализуется авторский самоанализ. Но отношения автора и героя у писателей XIX века более сложны, чем у Руссо, чья «Исповедь» и стала для романтиков эталоном психологизма.

Уже в 1830-40-е гг. французские критики видят достоинства «личного» романа в выходе за рамки узкого биографизма и в появлении типа рефлектирующего героя, которого они ставят в один ряд с Вертером, Гамлетом и Рене. Одновременно оживляется интерес и к роману Б.Констана «Адольф. Рукопись, найденная в бумагах неизвестного» (1824), который многие и во Франции (Стендаль, Сент-Бев, Бальзак, Мюссе, Планш, позже Бурже), и в России (Пушкин, Вяземский) считают шедевром аналитического жанра. Поводом к сопоставлению «Адольфа» с повестью «Ноябрь» могло бы стать и присутствие в них, помимо прочего, и аналогичного композиционного приема: диалог идей развивается благодаря введению, наряду с протагонистом, образа «друга» (он якобы нашел рукопись и позаботился о ее издании). К сожалению, и «Адольф» не упомянут в диссертации. Вне поля внимания диссертанта остались и некоторые современные работы отечественных литературоведов по проблеме психологизма во французской литературе 1830-40-х гг. и «личного романа». Считаю это серьезным упреком, но сразу же скажу: практически это единственный упрек по существу исследования Г.И.Модиной. Остальные замечания носят частный, дискуссионный характер или же являются скорее пожеланиями.

Большой интерес представляют наблюдения диссертанта относительно роли Вольтера в становлении мировидения и стиля Флобера, который называет себя «сыном Вольтера». Не ограничиваясь констатацией этого факта, Галина Ивановна находит убедительную аргументацию, доказывающую, что флюберовское понятие «неопределенный стиль», используемое им при написании повести «Ноябрь», подразумевает двойственность: одновременное присутствие субъекта и объекта, т.е. отказ от доминирования субъективного самовыражения, движение к объективности. Тем самым в диссертации обозначен своего рода исходный

момент постепенной смены повествовательной манеры и стиля Флобера уже в раннем творчестве писателя.

Прослеживая становление манеры письма в разных литературных жанрах, Галина Ивановна не обходит вниманием и путевые записки писателя, в частности, дневники путешествия Флобера по югу Франции и на Корсику, соотнося их с традицией «живописного путешествия» («Сентиментальное путешествие» Стерна, «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Шатобриана, «Впечатления путешественника» Дюма). Анализ приводит к выводу, что уже в ранних путевых заметках Флобер впервые сознательно отдает предпочтение рациональному и объективному письму перед спонтанным лиризмом, стремится к лаконизму, ясности и точности выражения мысли. Теперь форма высказывания и стиль представляется ему едва ли не главной творческой проблемой.

Особый интерес представляет анализ романа «Воспитание чувств» (1845) в сопоставлении с более ранними произведениями Флобера. Обозревая разные трактовки романа и его загадочного ключевого эпизода с бродячим псом, Галина Ивановна предлагает свою интерпретацию, в которой еще раз звучит лейтмотив единства всех ранних произведений писателя. Это единство не нарушается и оппозицией двух героев, как бы оспаривающих друг у друга роль протагониста, так как для Флобера герой – тот, кто выбирает творчество, путь художника. В целом трактовка первого «Воспитания чувств» основательно аргументирована, и ею подготавливается четвертая глава, посвященная философской драме «Искушению святого Антония». Г.И. Модина убедительно оспаривает психоаналитическую трактовку, в которой все три версии «Искушения» предстают как единый текст, а первая версия (1849) – всего лишь как черновой вариант. Эту полемику можно было бы продолжить, вспомнив о том, что Ж.П.Ришар, мэтр «тематической» критики, перетекающей в психоаналитическую «критику сознания», развивая свои идеи в эссе «Создание формы у Флобера», апеллирует исключительно к тексту «Искушения святого Антония» 1849 года. В то же время в предисловии Ж.Пуле к этой работе Ришара ощутимо некоторое сомнение в возможностях «критики сознания», полностью изолирующей внутри индивидуального мира протагониста или автора. «За пределами произведения существует жизнь, за пределами жизни – мир. Мир других, с которыми нужна коммуникация», – признает он.

Г.И. Модина аргументирует все аспекты своей трактовки первого «Искушения святого Антония» как завершенного произведения, имеющего самостоятельную ценность – и в плане общего смысла, и в плане поэтики, и по характеру присущего ему автобиографизма. Более того, эту философскую драму диссертант рассматривает как итог раннего творчества Флобера, потому что главное в «Искушении» – тема творчества и творческого субъекта, тогда как история христианского подвижника служит лишь внешним сюжетным оформлением. Этот очень важный тезис

работы подкрепляется трактовкой эпизода «Шествие богов», в котором диссертант акцентирует идею о множестве и разнообразии знаков сакрального и о постоянном присутствии эстетического в религиозных верованиях, о неразрывных связях сакрального и эстетического. Таким образом, «Шествие богов» прочитывается как иносказание итогов личного религиозного кризиса, который завершился позитивным для Флобера результатом: не отрекаясь от веры и осознавая себя человеком, терзаемым страхом перед смертью и бесконечностью небытия, человек искусства, и в частности, писатель обретает опору в творческой деятельности, имеющей, как и религия, сакральный смысл. Этот важнейший вывод не вызывает сомнений. Столь же убедительной представляется трактовка фрагмента «Быть материей» (с. 376): в нем выражено стремление художника видеть единство всего сущего, преодолевая логику противопоставления телесного и духовного, зла и добра, субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, т.е., по выражению самого Флобера, «увидеть гармонию несогласующихся вещей».

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что в работе создается целостное представление о раннем творчестве Флобера, прослеживается эволюция повествовательной техники писателя и формирование характерного для него стиля («объективного» или «безличного»), убедительно аргументируется значимость ранних опытов, их важность для последующего творчества писателя. Работа представляет собой оригинальное законченное исследование, в котором впервые в отечественном литературоведении рассматривается мало изученный период творчества Флобера. Избранная тема анализируется подробно, разносторонне и глубоко, с использованием новейших материалов; это позволяет автору работы предложить и убедительно аргументировать свою оригинальную концепцию раннего творчества писателя в единстве его произведений разных жанров, в динамике общего мировидения писателя, его эстетических принципов и поисков в области поэтики и стиля. Тем самым диссертантом вносится значительный вклад в решение одной из важных историко-теоретических проблем современного литературоведения.

Заслугой диссертанта следует считать и комментированное издание ранней прозы Флобера в книге «Мемуары безумца» (2009), а также переводы произведений писателя. Обширная и четко организованная библиография по теме (всего 767 названий) оформлена должным образом. Автореферат и публикации (всего 58 названий, в том числе 2 монографии, 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, и др.), отражают основные положения диссертации.

Все сказанное выше дает основание заключить, что содержание исследования «Ранняя проза Гюстава Флобера: становление творческой индивидуальности писателя» соответствует специальности 10.01.03. – литература народов стран зарубежья (европейская и американская

литература), отвечает требованиям п. 9, 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842, и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны положения, совокупность которых можно квалифицировать как **актуальное и новое** крупное научное достижение, решена крупная научная проблема, имеющая важное **социально-культурное и практическое** значение. Ее автор – *Модина Галина Ивановна* безусловно заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Официальный оппонент

Соколова Татьяна Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор по кафедре истории зарубежной литературы

Т. Соколова

В настоящее время сотрудник по договору ФБГОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Двадцать восьмого марта две тысячи семнадцатого года.

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Двадцать восьмого марта две тысячи семнадцатого года.
Я, Горошина Ольга Владимировна, нотариус нотариального округа Санкт-Петербурга, свидетельствую подлинность подписи Соколовой Татьяны Викторовны, которая сделана в моем присутствии. Личность подписавшей документ установлена.

Зарегистрировано в реестре: № *1-3518*
Взыскано по тарифу: 100 (сто) рублей 00 копеек.
Уплачено за оказание услуг правового и технического характера:
700 (семьсот) рублей 00 копеек.

О.В. Горошина

Сведения об официальном оппоненте

Фамилия, имя, отчество	Соколова Татьяна Викторовна
Ученая степень	доктор филологических наук
Ученое звание	профессор
Организация и должность	кафедра истории зарубежных литератур ВГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный университет", сотрудник по договору
Почтовый адрес, телефон, электронный адрес	195221, Санкт-Петербург, ул. Замшина, 15, кв. 22. 8 (812) 545 07 16 8 9673492388 tavissvs@mail.ru
Публикации	<i>Соколова Т.В.</i> Грани творческой жизни: очерки о Шарле Бодлере. СПб, Петрополис, 2015. 285 с. <i>Соколова Т.В.</i> Силуэт эксцентричной личности в творчестве Бодлера // Шарль Бодлер & Вальтер Беньямин: Политика & Эстетика. Коллективная монография М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 63-82 <i>Соколова Т.В.</i> Многоликая проза романтического века во Франции. СПб., Изд. СПбГУ, 2013. 400 с. <i>Соколова Т. В.</i> Эпистолярное жизнеописание или Бодлер, увиденный через «призму» его писем // Ш. Бодлер. Письма. СПб: Machina, 2011. <i>Sokolova Tatiana.</i> A propos des sources romantiques du symbolisme // «Bulletin de l'Association des Amis d'Alfred de Vigny», № 35, 2006 , p. 74-85. <i>Соколова Т.В</i> Литературное творчество и политика: штрихи к портрету писателя - романтика // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. Сб. статей под ред. С.Н. Зенкина. М., Изд. НЛЮ, 2005. С. 266-293 <i>Соколова Т.В.</i> Роман «неистового» Петрюса Бореля «Мадам Потифар» // Русская литература 30-40-х гг. XIX в. «Вторая проза». М., «Наука». 58-88. <i>Соколова Т.В.</i> Эволюция повествовательного приема от несобственно-прямой речи к «потoku сознания» // Художественный текст: структура и поэтика. Межвузовск. Сб. под ред. И.П. Куприяновой. СПб., 2005. С. 126-135. <i>Соколова Т.В.</i> Принцип «безличного» искусства в путевом дневнике и переписке Флобера // «Лирическая проза» в зарубежной литературе. Межвуз. сб. Изд. ЛГУ. 1993. С. 37 – 49.